

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-52-58
УДК 316.334.2(045)

Номенклатура и группы интересов: эхо постсоветских реформ

А.С. Арутюнян
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется деятельность номенклатуры и групп интересов в период постсоветских реформ; выявлены особенности формирования властной вертикали в разные исторические периоды, повлиявшие на становление их ценностных ориентаций. На примере реформ советского государства описаны контуры экономического курса и, как его результат, возникновение наиболее влиятельных групп интересов. Отмечена роль культурных и территориальных факторов, влияющих на стратегии их поведения. Проанализирован сценарий постсоветских рыночных преобразований в контексте создания конкурентной экономики. Обосновывается институциональное разграничение частных и государственных интересов в целях развития экономики.

Ключевые слова: постсоветская экономика; вертикаль власти; номенклатура; группы интересов; привилегии; ценностные ориентации; лобби; реформы

Для цитирования: Арутюнян А.С. Номенклатура и группы интересов: эхо постсоветских реформ. *Гуманитарные науки.* 2023;13(3):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-52-58

ORIGINAL PAPER

The Governing Establishment and Groups of Interest: The Echo of the Post-Soviet Reforms

A.S. Arutiunian
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyses the activities of the governing establishment and groups of interest during the period of post-Soviet reforms. The specifics and the peculiarities of the formation of the power vertical in different historical periods that influenced the value system of the governing establishment and interest groups are elicited in the article. The economic policy and, as a result, the emergence of the most influential interest groups are outlined based on the example of the Soviet state reforms. Special attention is given to the role of cultural and geographic factors affecting the interest groups' behaviour strategies. The scenario of the post-Soviet market reforms in the context of creating the competition-based economy is analysed. The institutional differentiation of private and state interests is justified and substantiated for the purpose of economic development.

Keywords: post-soviet economy; power vertical; governing establishment; groups of interest; privileges; value system; lobby; reforms

For citation: Arutiunian A.S. The governing establishment and groups of interest: The echo of the post-soviet reforms. *Humanitarian sciences* 2023;13(3):52-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-52-58

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ

Проблема соотношения частных и государственных интересов в советской экономике никогда не была предметом широких дискуссий. Она существовала исключительно в госплановской парадигме и подразумевала соперничество ведомств в борьбе за распределение финансовых средств.

Централизованная система финансового управления громадным бюрократическим аппаратом длительное время, в условиях существовавших географических широт, являлась единственным оправданным механизмом. Здесь следует обратить внимание на то, что «ментальный дрейф» населения постсоветской России в сторону частнособственнических отношений был обоснован лишь для огра-

ниченного числа социальных групп, обладавших соответствующими навыками и квалификацией.

Первопричина заключается в том, что лишь небольшой процент населения, в силу ряда особенностей (культурных, образовательных и др.), был способен к экономической кооперации. Для остальных же участников, переживших мощнейшие преобразования социальной структуры (Февральская и Октябрьская революции в 1917 г., а также коллективизация и индустриализация 30-х гг. XX в.), подобные преобразования носили характер системных изменений. Директивная трансформация управленческих и хозяйственных структур в экономике сформировала чиновничий аппарат, стержнем становления которого был не дореволюционный статус и имущественный ценз, а положение во вновь создаваемой партийной структуре государства. Это одно из важнейших отличий процесса формирования номенклатуры от групп интересов, которые в результате привели к социальным метаморфозам при переходе к капиталистической форме хозяйствования.

ДИФфуЗИЯ ЦЕННОСТЕЙ НОМЕНКЛАТУРЫ И ГРУПП ИНТЕРЕСОВ

Функции прямого управления государством находились у верховного руководства Политбюро. В СССР к 50-м гг. XX в. начался процесс формирования вертикальных групп интересов, взаимодействующих между собой по принципу наличия или отсутствия привилегий, согласно должностной иерархии. Тут можно заметить, что «политическая сфера руководства — это практические действия по взаимоотношениям всех классов, групп, слоев населения с целью реализации системы их интересов» [1, с. 76].

На практике же ведущая функция политического руководства начала претерпевать существенные изменения. Новосибирский экономист Г.И. Ханин отмечает, что с середины 50-х гг. набирал силу процесс деградации личного состава высших руководящих кадров. Он происходил одновременно с улучшением этого состава на среднем и низшем уровнях, и поэтому его негативные последствия сказались далеко не сразу. Процесс деградации личного состава связывался с тем, что руководящая элита в лице Политбюро была крайне низко мотивирована на какие-либо изменения, напрямую касающиеся их статусных позиций в иерархии власти.

Высокий социальный статус и государственные привилегии являлись важным компенсационным звеном в условиях планового хозяйства и отсутствия частной собственности. Привилегии обеспечивали

высокие стандарты жизни: эксклюзивные условия быта, жизнеобеспечения, а также учебы и карьерных сценариев детей партийной элиты.

«Хрущевская оттепель» дала старт процессу бюрократизации и расширению производственного, аграрного, военно-промышленного и топливно-энергетического потенциала страны посредством увеличения численности номенклатуры высшего и среднего уровня. Иными словами, любой человек, «стремившийся сделать карьеру, использовал коммунистическую партию как структуру карьерного роста» [2, с. 179].

Фундаментальное отличие групп интересов, возникших на номенклатурной (должностной) почве, от тех, что появились в условиях рынка, состоит в том, что у вторых было четкое понимание, что их социальная мобильность имеет прямую зависимость от того, насколько сильно им удастся укрепить конкурентные позиции отрасли и компаний, которые они представляют.

В случае с советской номенклатурой ситуация складывалась несколько иным образом. В условиях отсутствия внешней конкуренции на внутреннем рынке манипуляции с показателями со стороны руководителей отраслевых ведомств были не таким уж редким явлением, особенно накануне перестройки. В этой связи есть множество полярных мнений на предмет эффективности существовавших механизмов развития экономики, например критика «индустриализации и коллективизации, пятилетних планов развития народного хозяйства, решений по созданию военной промышленности» [3, с. 5].

КУЛЬТУРНЫЕ И РЕСУРСНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Академик РАН, вице-президент АН СССР А.М. Румянцев отмечает, что «деятельность и ценностные установки привилегированных групп осложнялись тем, что конкретный подход к составу разных потребностей порождался также и тем, что они дифференцировались в зависимости не только от времени, но и места, национальных особенностей, климатических условий» [4, с. 36].

Логика начала формирования групп интересов согласно иерархии власти, подразумевала, что номенклатура в СССР существовала как на Крайнем Севере, так и в Ферганской долине. Разница заключается в том, что процесс ее профессионального становления был ограничен культурными и ресурсными отличиями того места, где происходило их социальное утверждение. По мнению социолога

В.А. Ядова, «цивилизационные обстоятельства, цивилизационные особенности (культура, характер социальных институтов и т.д.) не меньше, а больше влияют на экономическое развитие» [5, с. 38].

Собственно говоря, игнорирование цивилизационных особенностей, по сути, и было стратегической ошибкой при форсированном проведении демократических преобразований на всем постсоветском пространстве. В результате столь неоднозначны и результаты этих реформ. Именно номенклатура потворствовала созданию условий для появления идеологов «шоковой терапии». Основная оплошность номенклатуры заключалась в том, что она упустила возможность формирования фундаментальной основы экономического сознания среди населения.

Ресурсное разнообразие и вертикаль власти страны повлияла на определение стратегических контуров номенклатуры для последующей консолидации в группы интересов в краях и республиках. Таким образом, при выстраивании управленческих процессов в новых экономических реалиях началась репликация устоявшихся советских бюрократических практик, но уже в условиях рынка. Группы интересов с «номенклатурным» мышлением мало что изменили в сущностном содержании своей практической деятельности.

Известно, что регулирование зависит «от взаимодействия институтов и групп интересов на разных уровнях и территориях» [6, с. 110]. Эта особенность еще более резко проявилась при переходе к рынку. В результате слома социальной структуры СССР в постсоветской России начался экспоненциальный рост чиновников. Если анализировать данные численности государственных и муниципальных служащих в 2020 г. по отношению к 1994 г., то данный показатель возрос на 232%¹.

С одной стороны, это можно трактовать как индикатор возросшего престижа государственной службы, с другой стороны, допускается, что рост бюрократического аппарата в постсоветской России во многом связан с деятельностью номенклатуры (средней и низшей), так и не сумевшей интегрироваться в рыночные отношения. Возможно, эта черта советского прошлого, нашедшая свое отражение в текущей действительности.

Если говорить о культурных и ценностных стереотипах при переходе к рынку, то их ментальная составляющая нашла свое выражение в многочис-

сленных этнических конфликтах на постсоветском пространстве. Очевидно, что социальное, экономическое и политическое пространства постсоветских республик разительно отличались друг от друга. И, как следствие, возможности номенклатуры, а точнее, потенциал ее интеграции в группы интересов, был прямо пропорционален ресурсной обеспеченности территорий, представляемых ею. Отсутствие идеологического компромисса, ресурсная дифференциация, идейный разброд среди интеллигенции — все эти факторы привели к той патовой ситуации, в которую погрузилось практически все постсоветское пространство в период «демократических» преобразований.

По мнению французского социолога Р. Арона, советская политическая система столкнулась с явлением, которое он именовал «разложением политических институтов» — оно «проявляется тогда, когда система партий уже не отвечает всем группам интересов» [7, с. 135].

Схожие позиции высказываются лауреатом Нобелевской премии по экономике Д. Нортон. Он считает, что советские институты «погубил организационный эквивалент грандиозного панического изъятия банковских вкладов, когда местные чиновники поспешили завладеть своими активами, пока бюрократические двери не захлопнулись у них перед носом. Как и в случае панического изъятия вкладов, утрата доверия к институтам делает их кончину самоисполняющимся пророчеством» [8, с. 220].

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ КАК ДЕМПФЕР РЕФОРМ

В начале 1970-х гг. XXI в. была «свернута» реформа Либермана-Косыгина. Она предполагала децентрализацию и самостоятельность предприятий. Вместо привычного показателя, такого, как эффективность, руководители предприятий фокусируют свои управленческие усилия на прибыли, рентабельности и реализации продукции. Отказ от реформы Либермана-Косыгина во многом связывается с открытием геологами залежей нефти в Западной Сибири.

Формально именно с этого момента на политическом ландшафте страны начинают активно действовать отраслевые группы интересов. Считается, что именно они усиленно лоббировали курс на сырьевую ориентацию экономики. В результате обозначается тенденция выделения средств на развитие науки по остаточному принципу. Расходы на науку традиционно занимали одно из послед-

¹ URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/097/analit02.php>; <https://rosstat.gov.ru/folder/11191>

них мест в структуре государственного бюджета СССР: в 1970–1989 гг. их доля находилась в пределах 3,4–4,5% [9, с. 33]. При этом, если обратиться к показателям финансирования науки в современной России, то ситуация носит довольно противоречивый характер. Согласно данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ доля ассигнований, направляемых на гражданскую науку из средств федерального бюджета, к расходам федерального бюджета в период 2010–2024 гг. составляла 2,5–2,9%².

К середине 80-х гг. начинается процесс сокращения государственных инвестиций в науку и происходит наращивание галопирующими темпами военных расходов. Именно в этот период обострились противоречия относительно сценариев развития экономики со стороны научных и интеллектуальных кругов СССР.

ПЕРЕДЕЛ СФЕР ВЛИЯНИЯ КАК ОСНОВНОЙ МОТИВ РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

По мнению либеральных экономистов, отсутствие института частной собственности привело к неэффективному управлению народным хозяйством, что выразилось в чрезмерной трате бюджетных средств на различные проекты и кампании. При этом надо заметить, что «водораздел» между капитализмом и социализмом определяется тем, «в чьих социально-классовых интересах, с какими социальными результатами планомерно организуется товарно-денежное хозяйство» [10, с. 30].

Население, выдавшее карт-бланш на проведение рыночных реформ, не имело представления, по какому сценарию будет реализовываться переход к новой форме хозяйствования. Необходимость преобразований в экономике не отрицалась ни интеллигенцией, ни широкими народными массами. Согласно опросу, проведенному в марте 1991 г., «росло позитивное отношение к рынку — люди увидели в нем некоторую перспективу по решению назревших проблем. Именно надежда на рынок проявилась в том, что 43% респондентов считали, что они в этих новых обстоятельствах повысят интенсивность и качество своего труда (в мае 1990 г. так считали только 26%), а 39% возлагали надежду на конкуренцию, от которой выиграют потребители» [3, с. 8].

² Финансирование гражданской науки в России и за рубежом. URL: <https://issek.hse.ru/news/741477101.html#:~:text=%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%BD%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%8E%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D1%83%20%D0%B8%D0%B7,35%20%D0%B4%D0%BE%20%2C53%25>

На деле рыночные реформы представляли собой передел сфер влияния между номенклатурой и группами интересов. Сценарий преобразований в России носил наиболее радикальный характер из всех возможных, они обернулись чрезвычайно негативными последствиями для общества. Известно, что «рыночные реформы результативны там, где реформаторам удается нащупать сферы и масштабы оправданного государственного участия в экономике» [11, с. 193].

По мнению член-корреспондента РАН Р.С. Гринберга, «в 90-е гг. верх взяло безответственное властолюбие элит и благодушное легкоеверие народов: наивная вера в то, что все хорошее, созданное при советской власти, сохранится, а к этому добавятся все преимущества демократий и рынка» [12, с. 289]. По мнению идеологов «шоковой терапии», переход от плановой к рыночной экономике был возможен только при использовании «ваучерной» приватизации посредством наделения суррогатными правами собственности работников и членов коллективов предприятий, кооперативов, объединений.

В постсоветской России реализация западных теорий по присваиванию политической ренты имела обратный эффект (в отличие от стран, где деятельность групп интересов регламентирована, а ее имплементация является исключительной прерогативой государства). В новообразованном государстве процесс извлечения политической ренты основывался на привилегиях, а не законодательных процедурах.

По мнению экономиста А.П. Бунича, «приватизация производилась по большей части в интересах “своих людей”». Суть была в том, чтобы конвертировать властные полномочия старой номенклатуры в контроль над собственностью и финансовыми потоками» [13, с. 16].

Иной точки зрения придерживается экономист, почетный научный руководитель НИУ ВШЭ Е.Г. Ясин, считающий, что «масса ваучеров и акций была скуплена расторопными частниками и компаниями. Это позволило им стать видными акционерами, которые старались установить контроль над предприятиями, потеснить директоров еще советского времени или наладить с ними деловые контакты» [14, с. 24]. Однако если обратиться к показателям инвестиций в основной капитал, то можно говорить о том, что транзит номенклатурных групп, выросших из «недр» отраслевых министерств и партийного аппарата, привел к возникновению отраслевых групп интересов.

По существу, их рыночная сила и сегодня определяет векторы пространственного развития страны. На *рисунке* представлена структура инвестиций в основной капитал³. На нем показан ряд групп интересов, имеющих ключевое значение для функционирования экономики страны.

Данные группы можно типологизировать следующим образом: экспортно-импортные (транспорт и хранение), рантье (операции с недвижимым имуществом), сырьевые (добыча полезных ископаемых), а также промышленные (обрабатывающие производства). Фактически показатель инвестиций, направляемый ими на обновление материально-технической базы, является своеобразным камертоном их влияния.

В частности экономист А.В. Бузгалин отмечает, что «основные права собственности на всю систему были сконцентрированы в руках узкого круга лиц, сосредоточенных в администрации экс-государственных предприятий, руководстве банков и лоббирующих структур, а также действительных хозяев дочерних частных фирм» [15, с. 58]. Трудно отрицать, что кулуарность экономических преобразований не могла не сказаться на представленных отраслевых диспропорциях, показанных на *рисунке*. Речь идет о таких сферах, как «образование» (1994–1999 гг. — 1,6%; 2000–2010 гг. — 1,9%; 2010–2020 гг. — 1,7%) и «здравоохранение и социальные услуги» (1994–1999 гг. — 2,3%; 2000–2010 гг. — 2,4%; 2010–2020 гг. — 1,7%)⁴.

Номенклатура преследовала цели личного обогащения и сохранения властных полномочий, а радикальные реформаторские группы интересов отстаивали идею экспроприации активов путем слома социально-экономической модели посредством «шоковой терапии». Ни одна из групп не связывала свои действия с созданием институциональных условий для развития конкурентной экономики, предполагающей адекватное распределение сил, ресурсов, возможностей у будущих участников рыночных отношений.

Рыночные реформы реализовывались не «социально одаренными» людьми Н. Флигстайна, а конфликтующими группами интересов, что в результате привело к распаду социальной структуры СССР,

а также к искусственному прерыванию процесса воспроизводства национальных элит, в основе которого лежала не только партийная лояльность, но и профессиональные и интеллектуальные качества. Передел сфер влияния между номенклатурой и группами интересов поспособствовал процессам системного воспроизводства некачественного человеческого ресурса. К сожалению, в ближайшей исторической перспективе не просматриваются альтернативные сценарии развития экономики за исключением сырьевого.

По справедливому замечанию академика РАН С.Ю. Глазьева, «на протяжении длительного времени и по настоящее время основные доходы получают не за счет производства, не за счет научно-технического прогресса, а за счет либо присвоения природной ренты, либо за счет занижения оплаты труда» [16, с. 23].

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Мотивом экономических и политических преобразований в постсоветской России была алчность (жажда наживы), в результате эффект для экономики оказался минимальным. Российские реформаторские «цепочки», представлявшие собой сложные формы взаимодействия чиновников и основанные по номенклатурному и отраслевому принципу, имели различные стратегии реализации интересов, но всех объединяла общая идеологическая цель — ликвидация существовавшего ранее общественного строя. Задача переориентации социалистических догм на рыночный лад была второстепенной.

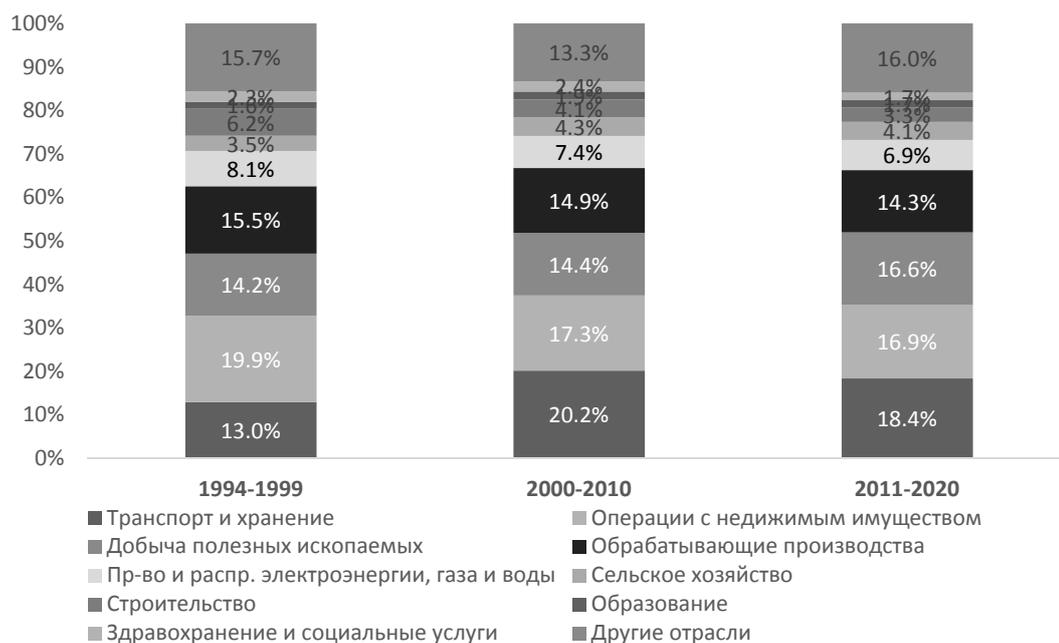
Однако, несмотря на то, что коллективные ценности удалось ликвидировать (особенно среди молодежи), экономику, основанную не на принципах привилегий, создать так и не удалось.

В государствах, пропагандирующих недискриминационные формы участия социальных групп в экономике, как правило, разделение общественных и частных интересов происходит посредством законодательных процедур. Нынешняя агрессивная эволюция групп интересов в сторону рыночного фундаментализма стала возможна благодаря тому, что на протяжении последних двух десятилетий так и не был произведен раздел частных (коммерческих) и государственных (общественных) интересов.

Легитимность действий номенклатуры и групп интересов в период постсоветских реформ требует взвешенной оценки. Краеугольным камнем дискуссий по данной проблеме является социальная обоснованность курса рыночных преобразований, имевших место три десятилетия назад.

³ Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций по 2016 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33400>; Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу хозяйствующих субъектов. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59048>

⁴ Там же.

Fig. / Рис. Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций в денежном выражении, 1994–2020, % / The structure of investments in fixed capital by types of economic activities by full circle of organisations in monetary terms, 1994–2020, %

Source / Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики / compiled by the author on the basis of the Federal State Statistics Service data.

Очевидно, что данная проблема не может иметь «комфортное» решение. Учитывая высокую вероятность возникновения ревизионистских настроений (особенно в политическом и экономическом истэблшменте страны),

необходимо понимать, что для российской экономики проблема институционального разделения общественных и частных интересов — не менее важная задача, чем уход от сырьевой модели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин Д.Е., ред. Реализация социалистической собственности и экономические интересы. Сборник статей. М.: ИЭ; 1989.
2. Бунич А.П. Осень олигархов. История приватизации и будущее России. М.: Яуза, Эксмо; 2005.
3. Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? *Социологические исследования*. 2021;(8):3–13. DOI: 10.31857/S 013216250016071–1
4. Румянцев А.М., Бунич П.Г., ред. Экономическая реформа: ее осуществление и проблемы. М.: Политиздат; 1969.
5. Ядов В.А. Может ли Россия выйти из своей траншеи? Социология и экономика: от мифов к реальности. Материалы «круглого стола», посвященного 100-летию со дня рождения академика А.М. Румянцева. М.: Институт экономики РАН; 2005.
6. Тулаева С.А. Стратегии компаний в ситуации регулятивного плюрализма в глобальном мире. *Социологические исследования*. 2015;(8):108–118.
7. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст; 1993.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. Пер. с англ. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та — Высшей школы экономики; 2010.
9. Глазьев С.Ю., ред. Наука на пороге рынка. М.: Экономика; 1992.
10. Сорокин Д.Е. «План или рынок?» — ложная дилемма. М.: Знание; 1989.
11. Гринберг Р.С. В мире перемен. М.: Институт экономики РАН; 2006.
12. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр: ИНФРА-М; 2012.
13. Бунич А.П. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь», 30 сентября 2005 г. М.: [б. и.]; 2005.

14. Ясин Е.Г. Как поднять экономику России. М.: Вита-Пресс; 1996.
15. Бузгалин А., Колганов А. Мы пойдем другим путем! От «капитализма Юрского периода» к России будущего. М.: Яуза: Эксмо; 2009.
16. Глазьев С.Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел. М.: ГУ ВШЭ; 2006.

REFERENCES

1. Sorokin D.E., ed. Realization of Socialist Property and Economic Interests: Collection of Articles. Moscow: IE; 1989. (In Russ.).
2. Bunich A.P. Autumn of the Oligarchs. History of Privatization and the Future of Russia. Moscow: Yauza, Eksmo; 2005. (In Russ.).
3. Toshchenko J.T. Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2021;(8):3–13. DOI 10.31857/S 013216250016071–1 (In Russ.).
4. Rummyantsev A.M., Bunich P.G., eds. Economic reform: its implementation and problems. Moscow: Politizdat; 1969. (In Russ.).
5. Yadov V.A. Can Russia come out of its trench? Sociology and Economics: from Myths to Reality. Materials of the round table dedicated to the 100th anniversary of Academician A.M. Rummyantsev. Moscow: Institute of Economics RAS; 2005. (In Russ.).
6. Tulaeva S.A. Company Strategies in the Situation of Regulatory Pluralism in the Global World. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2015;(8):108–118. (In Russ.).
7. Aron R. Democracy and totalitarianism. Moscow: Text; 1993. (In Russ.).
8. North D. Understanding the Process of Economic Change. Translated from English. Moscow: State University-Higher School of Economics Publishing House; 2010. (In Russ.).
9. Glazyev S.Y., ed. Science on the threshold of the market. Moscow: Economics; 1992. (In Russ.).
10. Sorokin D.E. “Plan or Market?” — A false dilemma. Moscow: Znanie; 1989. (In Russ.).
11. Greenberg R.S. In the world of changes. Moscow: Institute of Economics RAS; 2006. (In Russ.).
12. Greenberg R.S. Freedom and Justice. Russian temptations of a false choice. Moscow: Magister: INFRA-M; 2012. (In Russ.).
13. Bunich A.P. Materials for the meeting of the Red Square Club, September 30, 2005. Moscow: [b. i.]; 2005. (In Russ.).
14. Yasin E.G. How to raise the economy of Russia. Moscow: Vita-Press; 1996. (In Russ.).
15. Buzgalin A., Kolganov A. We will go the other way! From the “capitalism of the Jurassic period” to the Russia of the future. Moscow: Yauza: Eksmo; 2009. (In Russ.).
16. Glazyev S.Y. Liberal reforms in Russia: truth and fiction. Moscow: GU HSE; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Армен Сергеевич Арутюнян — магистр социологии, старший преподаватель департамента социологии факультета социологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Armen S. Arutunyan — master of Sociology, senior lecturer at the Department of Sociology, Department of Sociology and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7560-4728>

armenaru@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.02.2023; accepted for publication on 15.03.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.